

## МИССИЯ А. И. ОСТЕРМАНА В ШВЕЦИЮ В 1719 г.

Международная ситуация в конце Северной войны охарактеризована в общих чертах в ряде исторических исследований.

Но существует аспект проблемы, связанный с попытками России выйти из войны на основе программы, выработанной лично Петром I, которая доныне еще недостаточно изучена.

Решение военных задач, поставленных в Северной войне руководящими политическими деятелями России во главе с Петром I, выдвинуло к 1718 г. новую задачу — добиться выхода из войны и удержания территорий, которые обеспечивали бы существование Русского государства как морской державы и безопасность новой его столицы — Петербурга. С этим связана поездка А. И. Остермана в Стокгольм. Освещение этого эпизода и составляет содержание настоящей статьи.

Противодействие западных держав оказалось серьезным препятствием для успеха двустороннего конгресса русских и шведских представителей, собравшихся в мае 1718 г. на острове Лефе Аландского архипелага и в течение полутора лет бесплодно обсуждавших перспективы и условия мирного договора. За стенами конгресса энергично действовали сторонники завершения Северной войны на основе программы, решительно противостоявшей требованиям, которые выдвигались Россией. Английская дипломатия добивалась лишения России значительной части ее завоеваний в Прибалтике и передачи шведских Бремена и Вердена на Везере Ганноверу, находившемуся в личной унии с английским королевством<sup>1</sup>.

Играя на отходе от России ее союзников, Дании и Ганновера, испугавшихся усиления ее влияния, шведский представитель на Аланде Герц составил проект русско-шведского союза, который должен был вернуть Швеции утраченное ею положение в Северной Европе. За уступку России Лифляндии и Эстляндии, но не Выборга, без которого русская дипломатия считала Петербург не в безопасности, Герц тре-

бовал эквивалента из датских владений, не достижимого без русской военной помощи, а также сохранения за Швецией Бремена и Вердена.

Русский представитель на конгрессе Остерман не сразу оценил эту попытку Швеции втянуть Россию в новую войну с ее бывшими союзниками, хотя он и писал в Петербург, что «их шведское намерение весьма не туды клонится, куды мы чаяли». Куда клонились шведские планы, видно из записки Герца, в которой он предлагал заключение союза между Россией и Швецией на следующих условиях: так определить сухопутные границы Финляндии, чтобы Швеция «с земской стороны ничего так легко опасатца не имела», потому что занятая Россией часть Финляндии, которая возвращалась Швеции, оказывалась с моря «весма заключена»; осуществить союз двух договаривающихся государств, а если бы Англия стала чинить препятствия предлагаемому плану, то сопротивляться ей соединенными силами; добиться соглашения с прусским королем, уступив ему Штеттин, за что Швеции передать Эльбинг. В этой же записке предлагалось дать Швеции компенсацию за счет Дании: «От Дании совершенная сатисфакция соединенными силами отыскана быть имеет»; найти эквивалент для союзника России — герцога Мекленбург-Шверинского, за который бы он уступил Швеции свое герцогство. Предполагался обмен Мекленбург-Шверина на Курляндию. Последнее условие мотивировалось тем, что, когда Швеция «с королем аглинским розделаетца», она сохранит на континенте только Померанию, что не может обеспечить ее безопасность и «весьма недоволено есть по той стороне моря фигуру какую делать». Проект Герца предусматривал возвращение Швеции Бременского и Верденского герцогств<sup>2</sup>.

Не останавливаясь на этом авантюрном проекте, скажем только, что тайная цель его заключалась в том, чтобы вовлечь Россию в войну с Данией и Англией, которая бесспорно оказала бы Дании энергичную поддержку на море; при этом единственной союзницей России оказалась бы ею же побежденная и разоренная войной Швеция. Таков был проект Герца, задуманный в условиях, когда тройственный англо-франко-голландский союз превращался в четверной с привлечением в него Австрии и с признанием прав Ганно-

<sup>1</sup> ЦГАДА, ф. 50 (Сношения России с Голландией), 1718 г., д. 5, лл. 176—178, 261—267.

<sup>2</sup> Там же, ф. Дела Аландского конгресса, 1718 г., д. 6, лл. 428—432, 510, 516.

вера на Бремен и Верден. Последнее шло вразрез с русской программой присоединения Прибалтики, так как при сохранении Россией ее завоеваний и при уступке Бремена и Вердена Ганноверу, а Штеттина — Пруссии Швеция лишилась бы почти всех своих континентальных владений. Расхождение Петра I с его союзниками, кроме Пруссии, грозило в случае принятия изложенного проекта привести к открытой войне с ними с единственной целью обеспечения за Россией территорий, уже прочно ею занятых.

В этот момент Остерман, вообще человек дальновидный, не понял ситуации и, недооценивая опасностей, сопряженных с проектом Герца, в первую очередь неизбежную полную военную и дипломатическую изоляцию России, кажется, склонялся в пользу предложенного плана.

Между тем в начале января 1719 г. в Вене был подписан подготовленный в Лондоне договор императора Карла VI, Георга I как ганноверского курфюрста и Августа II в качестве саксонского курфюрста, предназначенный служить заслоном от русской и прусской экспансии, угрожавшей будто бы Польше. Договаривающиеся стороны обязались взаимно оказывать помощь друг другу в случае нападения на них и препятствовать вмешательству Пруссии и России в пользу мекленбургского герцога, против которого готовилась имперская экзекуция, порученная Ганноверу<sup>3</sup>.

В самом конце октября 1718 г., видя бесконечное сознательное затягивание шведами переговоров на конгрессе, чтобы добиться тем временем соглашения с бывшими союзниками России, Остерман предлагал в личном письме Шафирову завершить переговоры, минуя конгресс.

По-видимому, отказ Остермана от плана Герца, одно время привлекавшего его, произошел не без влияния донесения русского посла в Гааге Б. И. Куракина от 7 октября, которое, как можно предполагать, стало известно Остерману. Критическое отношение опытного в западноевропейских делах Куракина к проекту русско-шведского союза вызвало и у Остермана охлаждение к перспективе совместной со Швецией войны за ее имперские владения. Куракин считал, что сближение со Швецией и заключение с ней военного и политического союзов ценой охлаждения отношений с за-

падными державами и прямой вражды с ними не соответствуют русским интересам и прямо опасно для России. По мнению Куракина, Россия была заинтересована в дружбе с государствами, способными вместе с ней держать Швецию в узде. Поэтому он считал вредным весь обсуждавшийся на Аланде проект, угрожавший изолировать Россию в Западной и Центральной Европе и втянуть ее в новый длительный военный конфликт по существу без союзников<sup>4</sup>.

Самостоятельно ли или под влиянием гораздо более опытного Куракина Остерман уже в конце 1718 г. пришел к выводу о бесперспективности конгресса и о желательности решать вопрос об условиях мира за его пределами, но все же в двухстороннем порядке.

Когда в конце 1718 г. умер Карл XII, а затем в Швеции был судим и казнен пользовавшийся его доверием Герц, перспективы заключения русско-шведского мирного договора еще более ухудшились: в Стокгольме усилилось английское влияние, и против русской программы мира решительно выдвинулась английская, предусматривавшая возвращение Швеции завоеванных Россией провинций и передачу Ганноверу Бремена и Вердена.

Единственный оставшийся верным союзник России — Пруссия, колебавшаяся, впрочем, в своей внешнеполитической ориентации, была преисполнена тревоги. Прусский двор обращался в Петербург с советами, рекомендуя умеренность и посылку русского и прусского дипломатов непосредственно в Стокгольм. В апреле 1719 г. Фридрих-Вильгельм I писал Петру I о безусловной необходимости ускорить заключение мира со Швецией, удовлетворившись умеренными уступками. «В. ц. в. видите сами, что почти все европейские державы объединяются против его и моей возрастающей мощи», — писал король, явно преувеличивая при этом свое значение<sup>5</sup>.

Но уступка Лифляндии и Эстляндии лишила бы Россию коммуникаций не только с Пруссией, но и со всей Западной Европой, а также возможности содержания флота на Балтийском море, так как узкий проход на нем близ Ревеля поставил бы под угрозу русское мореплавание.

<sup>4</sup> ЦГАДА, ф. 50, 1718 г., л. 5, лл. 374—382. В неполном виде пространная записка Куракина опубликована в «Архиве кн. Ф. А. Куракина», кн. 1. СПб., 1890, стр. 329—340.

<sup>5</sup> ЦГАДА, ф. 50, 1719 г., л. 1, лл. 85—88.

<sup>3</sup> W. Michael. Ein schwieriger diplomatischer Fall aus dem Jahre 1719. — «Historische Zeitschrift», 1902, Bd. 88, Neue Folge, S. 66—68.

Трудно установить, кто первый выдвинул мысль о желательности посылки в обход Аландского конгресса представителя в Стокгольм. Был ли это Остерман или прусский король, неизвестно, потому что даты их писем сами по себе не могут служить здесь доказательством того или иного приоритета. Эта мысль могла иметь хождение на самом конгрессе и за его стенами в дипломатических кругах, и оба корреспондента Петра I только сформулировали ее. Во всяком случае царь отнесся вначале очень неодобрительно к предложениям и предположениям прусского короля и писал ему, что против нежелательного для Пруссии оборота дел в Северной Европе единственное средство — твердость и прочность их союза; посылка же представителей в Стокгольм способна только создать впечатление о слабости России и поднять дух населения Швеции: «...народ противу нас к продолжению войны возбудить». Перенос переговоров в шведскую столицу Петр I считал в этот момент «за самой прямой способ ко уничтожению Аландского конгрессу», к чему стремились противники непосредственного соглашения России со Швецией. Завершал Петр I свои соображения следующим наставлением, обращенным к его единственному напуганному и колеблющемуся союзнику: «И обнадеживаю я в. к. в., что я по прежней моей экспе-риенции никакова другого пути, кроме твердости, не вижу, чрез которой бы мы резонабельной мир с Швециею получить и то, что мы оба желаем, одержать могли, и ежели б я инако поступал и при многих zelo опасных случаях одними угрозами дал себя устрашить, то б я того не достиг, что ныне чрез божию помощь явно»<sup>6</sup>.

Пассивная в войне Пруссия стремилась к активной роли в переговорах, и это беспокоило Остермана, который опасался, что лояльное отношение к ней затруднит для России решение ее собственных задач. Но сохранить этого слабого и нетвердого союзника было необходимо тем более, что Венский договор Австрии, Ганновера и Саксонии, явно направленный против России и Пруссии, крайне осложнял обстановку.

Насколько английскую дипломатию тревожило наличие в Балтийском море русского военного флота, видно из донесения резидента Англии в Петербурге Джеффериса, напи-

санного им в конце марта 1719 г. Передавая английскому статс-секретарю по иностранным делам Стенгопу слова Петра I, что два лучших флота в мире — русский и английский, Джефферис писал: «...если уж теперь он ставит свой флот выше голландского или французского, то отчего не предположить, что через несколько лет он признает свой флот равным нашему или даже превосходящим его? Короче, корабли строятся здесь не хуже, чем где бы то ни было в Европе, и царь принимает все возможные меры к тому, чтобы приучить своих подданных к морю и сделать из них моряков»<sup>7</sup>.

Между тем перемена на шведском троне, на который после смерти Карла XII вступила его сестра Ульрика-Элеонора, и устранение Герца изменили тенденции дипломатического ведомства Швеции только в одном отношении: она отказалась от плана союза с Россией и завершения войны за счет ее союзников, неприемлемого, как мы уже писали, для Петра I, но по-прежнему не решалась закрепить за Россией договорным путем завоеванные ею территории.

В июне 1719 г. Петр I подошел с флотом к Гангуту и вызвал к себе с Аланда Остермана. Антиправительственное выступление в Англии в это время сторонников претендента на престол Якова Стюарта (так называемых якобитов) создавало, впрочем, иллюзорную перспективу ослабления внешнеполитической активности Англии, чем Петр I, недостаточно осведомленный о внутреннем ее положении, решил воспользоваться. Отвергнув в свое время советы прусского короля и Остермана о посылке представителя в Стокгольм, он решил теперь этими советами воспользоваться, хотя пребывание английского посла Картерета в Швеции, где он склонял правящие круги к непримиримой позиции в отношении России, не обещало успеха такому шагу. Царь подписал 10 июля грамоту к шведской королеве; в ней он сообщал о том, что он не возобновит военных действий, рассчитывая на завершение переговоров на конгрессе, но что условия, выдвигаемые на нем шведскими уполномоченными, совершенно неприемлемы. Шведы используют конгресс для отсрочки действий русского флота и для переговоров за спиной России с ее бывшими союзниками. Петр I предлагал Ульрике-Элеоноре заключить с Остерманом прелиминарный до-

<sup>6</sup> ЦГАДА, ф. 50. 1719 г., д. 1, лл. 89—96.

<sup>7</sup> «Сборник РИО», т. 61, стр. 515—516, 536—537.

говор о мире с Россией и Пруссией с последующей ратификацией его на Аланде. Царь писал, что если бы переговоры на Аланде велись без проволочек, «то б никогда такого поступка мы не учинили, но порядочною негодиациею то дело окончать велели»<sup>8</sup>.

Условия будущего мира, сообщаемые через Остермана, сводились к сохранению за Россией завоеванных ею Ингрии, Кексгольма с округом в Карелии, Эстляндии с Ревелем и Выборга с «барьером», как Россия требовала на Аландском конгрессе; но Петр I шел на одну уступку, которая должна была облегчить шведскому правительству заключение мира и сохранение им «лица» перед общественным мнением правящих кругов Швеции: Россия готова была уплатить денежную компенсацию за Лифляндию, либо требовала оставления ее за Россией на 40-летний срок, рассчитывая на изменение международной ситуации к концу этого периода в благоприятную сторону для русской внешней политики.

Пруссия должна была получить Штеттин с округом до реки Пены за денежную компенсацию или на условиях срочной ипотеки, а при последующем возвращении Штеттина Швеции Пруссии предстояло получить за него 4 млн. ефимков, что ввиду тяжелого состояния шведских финансов обеспечивало сохранение Пруссией Штеттина<sup>9</sup>.

Сумма, которую Россия готова была уплатить за Лифляндию, не должна была превышать 2 млн. ефимков; в крайнем случае Остерман мог согласиться на 20-летний срок уступки Лифляндии России, но ни в коем случае не должен был соглашаться на иностранную гарантию возвращения Лифляндии Швеции. Речь могла идти только об отсрочке дискуссии со Швецией по ливонскому вопросу, а не о перерешении его.

Остерман 12 июля прибыл в Швецию. В беседе с супругом королевы, гессен-кассельским наследным принцем, Остерман убедился в несклонности принца к миру на предложенных условиях<sup>10</sup>.

Только 18 июля Остерман получил аудиенцию у королевы Ульрики-Элеоноры. Она спросила Остермана, может ли

он сделать еще какие-либо предложения, на что Остерман ответил отрицательно. Находившиеся тут же гессен-кассельский принц и канцлер Кронгиельм в один голос заявили, что на основе ультимативных требований царя Швеция в переговоры не вступит и что «они никогда себя к миру принуждать не допустят». Королева очень резко говорила о действиях русского флота против шведского побережья, начатых к этому времени, на что Остерман отвечал, что во время войны естественно поступать по-неприятельски, руководствуясь военными соображениями, тем более что на конгрессе шведы не обнаружили стремления к миру. Он не преминул напомнить о жестокости шведской армии, проявленной ею, когда она вступила в русские пределы, о чем «жалостные памяти и ныне явны». На это шведы отвечали «со многими иными чванными словами». Тон этой аудиенции и характер взаимных препирательств, какой приняли на ней переговоры, сохранились и в дальнейших беседах Остермана со шведскими представителями, которые, возлагая все надежды на Англию и ее посла Картерета, продолжали тактику проволочек, применявшуюся ими на конгрессе. Картерет же, находившийся в Стокгольме, поддерживал неуступчивость шведов в отношении России, хотя Остерман предупреждал своих собеседников, «что они тужить будут о том, что нынешние добрые диспозиции е. ц. в-ва к миру пропустили и на предложенных от него резонабельных кондициях миру не учинили».

23 июля королева прислала Остерману отрицательный ответ на предложения Петра I, но перед лицом русского флота с десантными отрядами на нем шведское правительство опять попыталось затянуть переговоры. Через два дня Остерман получил официальное предложение, удовлетвориться уступкой России Эстляндии с Ревелем, причем ему угрожали подписанием договора с Англией, «которая им великия обещания чинит». Остерман не без основания говорил, что английские обещания сулят Швеции не помощь, а гибель, так как оружием Россию к «непристойному миру» принудить не удастся; Англия же, которая дорожит своими торговыми связями с Россией, не вступит «в такую дальнюю, опасную и убыточную войну». Заклучив договор с Георгом I, утверждал Остерман, Швеция придет «в апсалутную зависеть. Отчасти соглашаясь с ним, шведы решительно от-

<sup>8</sup> ЦГАДА, ф. 96 (Шведские дела), 1719 г., д. 20, лл. 19—22; Гос. архив, разр. XV, д. 20, лл. 6—7.

<sup>9</sup> Там же, лл. 23—26.

<sup>10</sup> Здесь и далее по журналу А. И. Остермана. — Там же, лл. 85—118.

казывались пойти на уступку Лифляндии, и тут Остерман открыл готовность русского дипломатического ведомства согласиться на временную передачу России этой провинции.

В последних числах июля Картерет имел аудиенцию у королевы, но о содержании их беседы Остерман ничего узнать не смог, не считая того, что ему еще раньше было сообщено, а именно: что английский посол не скупится на обещания и на деньги для подкупов. Прощальная аудиенция у королевы происходила 30 июля; Остерман получил ответную грамоту Ульрики-Элеоноры и просил ее предложить более приемлемые условия, которые продвинули бы дело мира.

Взоры правящих верхов Швеции были с надеждой обращены на английского посла. Остерман был подвергнут полной изоляции. Лишь 5 августа 1719 г. он смог выехать из Швеции и на другой день, переночевав в пути, прибыл на флот к Петру I, у острова Ламеланда. Он доложил царю о своей в сущности безрезультатной миссии.

В ответной грамоте шведская королева писала о готовности Швеции заключить «справедливой, безопасной и... пристойной мир» и выдвигала два варианта территориальных уступок России из занятых ею территорий: Швеция соглашалась уступить России Нарву с округом, Выборг и Кексгольм, но требовала возвращения остальной Финляндии, Эстляндии и Лифляндии. Другой вариант сводился к уступке Швецией Нарвы и Эстляндии с Ревелем, но к возвращению Швеции, кроме Финляндии с Выборгом, Лифляндии с Ригой и Кексгольма. Об Ингрии и Петербурге в этих предложениях речи не было; очевидно, они признавались в прочном русском владении. Эти условия Россию, конечно, удовлетворить не могли. Что касается Пруссии, то Ульрика-Элеонора выражала согласие обсудить вопрос о Штеттине, что не могло уже представлять интереса, потому что к этому времени Пруссия вступила в переговоры со Швецией при посредничестве Англии.

Петр I, рассмотрев вместе с министрами, приехавшими на флот, шведский ответ, приказал прервать переговоры на Аланде, если русский ультиматум не будет принят в трехнедельный срок. В таком случае, писал царь, «принуждены мы уже будем такие крепкие меры воспринять, каковые мы для получения безопасного и постоянного мира за пристойно изобретем».

В его грамоте шведской королеве содержалось сообщение, что военные действия он, царь, решил прекратить, так как Остермана заверили в Швеции, что это будет способствовать заключению мирного договора. Причиной такого решения были, однако, не шведские заверения, а то, что 15 августа английский флот вышел из Копенгагена в Балтийское море и, как говорится в «Журнале или Поденной записке... Петра Великого...», «наш флот не в таком состоянии был, чтобы против обоих флотов, аглинского и шведского, стоять мог»<sup>11</sup>.

Но ни дипломатическая, ни военная помощь Англии не могла уже помочь побежденной Швеции. Уступив Ганноверу под давлением Англии Бремен и Верден, а Пруссии — Штеттин, Швеция не смогла вернуть больше ничего из потерянного в войне, кроме занятой русскими войсками части Финляндии (без Выборга), которую Россия с самого начала переговоров соглашалась возвратить ей. После еще двух кампаний русского флота Швеция была вынуждена принять условия, привезенные Остерманом летом 1719 г.

Когда через два года в Ништадте снова велись переговоры между Россией и Швецией, английский статс-секретарь по иностранным делам Тоунсэнд прямо писал английскому посланнику в Стокгольме Финчу, что шведов надо убедить принять любые условия, потому что продолжение войны «может кончиться только полной гибелью шведских короля и королевства»<sup>12</sup>. Англия, добившаяся для Ганновера Бремена и Вердена, испытывала в это время кризис, связанный с крахом Компании южных морей.

Английское правительство, не желавшее допустить русский военный флот на Балтийское море, вынуждено было примириться с превращением России в морскую державу, обладавшую хорошо защищенными военными базами на Балтике и развивавшую на ней свое торговое и военное мореплавание.

<sup>11</sup> «Журнал или Поденная записка... Петра Великого с 1698 г. даже до заключения Нейштатского мира», изданная Щербатовым, ч. II. СПб., 1772, стр. 92—93.

<sup>12</sup> «British Diplomatic Instructions», vol. I. London, 1922, p. 160.